

и самыя условія историческаго роста направлений. Въ сороковыхъ годахъ было физически (по цензурнымъ причинамъ) немислимо такое изображеніе народной жизни, какое мы встрѣчаемъ съ шестидесятыхъ годовъ, т.-е., когда самимъ правительствомъ была заявлена крестьянская реформа или, другими словами, признано существованіе самого народнаго вопроса и тяжкаго положенія крестьянскихъ массъ. До этого времени существованіе этого труднаго положенія вовсе не признавалось, потому что все считалось обстоящимъ благополучно и литературѣ въ особенности не дозволялось «совать» во внутренніе вопросы общества и государства: надо еще удивляться, что тогда могли появиться «Записки охотника», или «Деревня» и «Антонъ Горемыка» Григоровича. Оцѣнивши эти простыя обстоятельства, мы безъ особеннаго труда поймемъ, почему народная тема, тронутая Тургеневымъ, не была высказана шире и не развита дальше другими писателями уже въ то время. Вмѣстѣ съ тѣмъ литературныя идеи развиваются обыкновенно съ извѣстной постепенностью въ виду степени пониманія самого общества: нужно было сначала намѣтить общую тему, возбудить къ ней интересъ, чтобы затѣмъ въ литературѣ возможно было прочное дальнѣйшее развитіе этой темы, обработка подробностей и болѣе настойчивое указаніе самого вопроса. Это послѣднее и дѣлали потомъ писатели слѣдующаго литературнаго поколѣнія, — тѣ писатели которыхъ хотятъ теперь заносить въ специальную группу народничества, приписывать имъ какъ бы новое литературное *направленіе*, когда въ дѣйствительности они бывали достойными продолжателями ранѣе начатаго дѣла, но не изобрѣтателями новой идеи.

Въ той же мѣрѣ не были изобрѣтателями и другіе писатели, историки и публицисты, которыхъ причисляютъ къ основателямъ народничества его приверженцы. Указываютъ напримѣръ, на историческія и бытовыя теоріи Щапова; но русская исторіографія уже очень давно представляетъ примѣры такой точки зрѣнія, гдѣ указывалась народная сторона исторіи, проявленіе въ ней народнаго бытоваго начала и многозначительная роль общины. Такого рода идеями еще либералы двадцатыхъ годовъ оспаривали исторію Карамзина (Н. М. Муравьевъ, М. А. Фонъ-Визинъ); съ идеей народа, хотя и не понятой, носился Полевой; на бытовомъ началѣ строились историческія ученія Соловьева, Кавелина, Костомарова, П. Кирѣевскаго, К. Аксакова. Все это гораздо ранѣе народничества настаивало на признаніи народной личности и ея историческаго права, и писатели новой школы были только продолжателями ранѣе заявленнаго ученія; быть можетъ, они вносили въ